

- Национальный корпус русского языка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Садовская И. Т. Мифология. М.; Ростов н/Д, 2006.
- Словарь современного русского литературного языка. Т.1—17. М., Л., 1948.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.
- Gyori G. Semantic change and cognition // *Cognitive Linguistics*. 2002. № 13—2. С. 123—166.
- Oxford English Dictionary (on CD-ROM). Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 05.11.2007 г.

Л. В. Сажина

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В течение последних лет в отечественном языкознании растет интерес к лингвистической составляющей гендерных исследований.

Интересно, что термин «гендер» был взят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук — социологию, социальную философию, историю и т. п. По мнению исследователей, данный термин призван подчеркнуть не природную, а социокультурную обусловленность межполовых различий.

Методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека [см.: Кирилина, 2005, 10]. Ряд понятий, применяемых в гендерных исследованиях, пришел из политического дискурса. Например, термин «сексизм» возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: в языке зафиксирована главным образом мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводится второстепенная, маргинальная роль и статус объекта [см.: Там же]. Исследователи стараются придерживаться более нейтральной позиции и применяют термин «гендерная асимметрия», под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т. д., так как понятие сексизма предполагает как бы намеренную дискриминацию.

Некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм, внесли новое в теорию познания. Например, лингвистические и психологические исследования этого периода, в частности, привнесли новый взгляд на понятие категории, возникший под влиянием работ Э. Рош; произошел пересмотр базовых философских категорий и отказ от большого числа традиционных представлений. По мнению Дж. Лакоффа, приходится отказываться, например, от

следующих положений: эмоции не имеют концептуального содержания, грамматика — выражение чистой формы, в процессе мышления все люди используют одну и ту же концептуальную схему [Лакофф, 1996, 148] и т. д.

В сознании каждого человека запечатлена некоторая совокупность текстов, которые определяют отношение человека к действительности и его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Поэтому языку придается исключительно важное значение, лингвистика становится одной из центральных наук современности. Сознание индивида уподоблено тексту: человек как субъект «растворяется в текстах — сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции» [Ильин, 1996, 225].

Существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Экзистенциальный статус личности базируется прежде всего на таких категориях, как возраст и пол. Согласно мысли Ж. Дерриды, система ценностей и взгляд на мир осуществляются с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектности женщины (мужской традиционный образец поведения и мышления). Распространению этой мысли способствовали известные книги — С. Бовуар «Второй пол» и «Воля к знанию» Л. Фуко. Последняя была задумана как первый том «Истории сексуальности», в ней показано, как социальное доминирует над биологическим даже в такой природно обусловленной области, как отношения полов. Феминисты соответственно выдвинули тезис о господстве патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т. е. мужские, ценности [Кирилина, 2005].

В зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, рассматривавшее, с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы фемининности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой — особенности речевого поведения мужчин и женщин.

В настоящее время внутри гендерных исследований выделяется ряд направлений, связанных с идеологическими установками авторов и с историческим развитием самих гендерных исследований. Различают три этапа их формирования: 1) «алармистский», 2) феминистский, 3) постфеминистский [Кандиоти, 1992, 156—163].

- «А л а р м и с т с к и й» э т а п. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Развивались теории социального конструктивизма и символического интеракционизма. Так, в трудах И. Гофмана обоснованы институционализация и ритуализация, показана роль социальных структур в формировании гендерной идентичности. Параллельно в самой лингвистике развивались новые направления: прагматика, социолингвистика и др. Социолингвист У. Лабов обосновал и эмпирически подтвердил вероятностный характер различий в использовании языка мужчинами и женщинами.

• Этап феминистской концептуализации. В этот период создается несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика).

В конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс благодаря новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Главная цель ФЛ состоит в разоблачении патриархата — мужского доминирования в общественной и культурной жизни.

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» [Lakoff, 1973, 45—79], обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке.

Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе ФЛ получила в Германии с появлением трудов С. Трельмел-Плетц «Linguistik und Frauensprache» и Л. Пуш «Das Deutsche als Mannersprache». Существенную роль в распространении феминистской критики языка сыграли также идеи Ю. Кристевой.

ФЛ, а также ведущие постмодернистские теоретики (Ж. Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц разного пола.

Язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения [см.: Кирилина, 2005], поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения его перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, «другого», «чужого» или вообще игнорируется, в чем и состоит феминистский упрек.

В рамках ФЛ выделяются следующие признаки андроцентризма

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком. Немецкое *der Mensch* мужского рода, но иронически может употребляться по отношению к женщинам с артиклем среднего рода — *das Mensch*.

2. С точки зрения словообразования имена существительные женского рода являются, как правило, производными от существительных мужского рода, а не наоборот. Более того, подобным существительным женского рода часто сопутствует негативная оценочность. Применение «мужского» обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины «женским» обозначением содержит негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, т. е. для обозначения лиц любого пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Например, если имеются в виду учителя и учительницы, достаточно сказать «учителя». Таким образом, часто язык как бы игнорирует женщин.

4. Наименования одних и тех же профессий в мужском и женском вариантах неравноценны: *врач/врачиха, секретарь/секретарша*. Для обозначения профес-

сий, имеющих низший социальный престиж, часто существуют только «феминные» формы: *уборщица, техничка*, а для обозначения видов деятельности с высоким статусом — только «мужские»: *государственные мужи, отцы города* и т. д.

5. Синтаксическое согласование происходит по грамматическому роду слова, а не по реальному полу референта: *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?* (нем., букв.: «Кто забыл здесь его помаду?»), — хотя речь идет о женщине).

6. Фемининность и маскулинность полярно разграничены и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценки) и количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношениях, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта проблематика особенно подробно разработана на материале английского и немецкого языков.

Подход ФЛ преимущественно используется в исследованиях с целью выявления «асимметрий в системе языка, направленных против женщин» [Tromel-Plotz, 1982, 137]. Как уже говорилось, эти асимметрии получили название *я з ы к о в о г о с е к с и з м а*. Речь идет о патриархатных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлена женщина и какие коннотации сопутствуют этому представлению. Анализируется также языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоих полов.

На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка и сексистских асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общественной жизни, но и средство формирования мышления и ментальности общества. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все языки, функционирующие в патриархатных и постпатриархатных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исходя из этого представители ФЛ настаивают на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Существует второе направление в рамках ФЛ, суть которого — исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются охватом широкого круга объектов: анализируются различные ток-шоу, речевое общение в семье и т. д. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. ФЛ дополняет теорию речевых актов Остина-Серля данными, существенными для интерпретации высказываний (выражение в речевых актах власти и доминантности, расширение представления о коммуникативных неудачах и т. д.). Например, были установлены такие отличительные черты женского речевого поведения, как отсутствие доминантности, умение лучше слушать и сосредоточиться на проблемах

собеседника. В целом, речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное» [см.: Homberger, 1993, 89—112].

- **П о с т ф е м и н и с т с к и й э т а п** характеризуется эмпирической проверкой идей, высказанных представителями ранней ФЛ, появлением «мужских исследований», кросскультурного и лингвокультурологического исследования гендера, привлечением к анализу материала большого количества языков и новым осмыслением методологических проблем. Основной задачей становится анализ того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разных уровней.

В этот период подвергаются критике ранние идеи феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин. Например, первоначально ФЛ исходила из того, что женское речевое поведение способствует поддержанию зависимого статуса и является наглядным примером воспроизводства патриархатных отношений. При этом был допущен ряд методологических ошибок, обнаружить которые удалось посредством эмпирических исследований гендерных аспектов коммуникации. К числу таких заблуждений относят интенционализм, приписывание фактору пола чрезмерной значимости, игнорирование роли контекста, недооценку качественных методов исследования [см.: Hirschauer, 1993, 55—68] и т. д.

Социальный/гендерный подход основан на идее о том, что «важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям» [Словарь гендерных терминов, 2002, 24].

Согласно концепциям, возникшим под влиянием трудов У. Матураны, Дж. Лакоффа и нового осмысления идей Гуссерля и Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной области, т. е. язык рассматривается как система ориентирующего поведения, в которой коннотации играют решающую роль. Значимость индивидуальных параметров говорящего в связи с этим существенно возрастает [см.: Кирилина, 2005].

Социальный и биологический пол человека как важнейшая экзистенциальная и общественно значимая характеристика во многом определяет социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка.

Язык фиксирует наивную картину мира. Гендер является элементом современной научной модели человека: исследуя языковые структуры, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности. В языке, в лексических значениях слов (за исключением ситуации научного дискурса) представлен биологический пол (*sexus*), а те языковые единицы, в значения которых входит компонент *sexus*, могут быть рассмотрены с позиции гендерного/социально-полового подхода.

Гендерология обращается к структурам языка, признавая их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола, что делает лингвистику одной из важнейших научных дисциплин, с помощью которых может быть осуществлен процесс познания гендера.

Социально-половые отношения проникают практически во все сферы человеческой деятельности, поэтому изучение обозначенной проблемы носит междисциплинарный характер.

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

Кандиоти Д. Эволюция гендерных исследований: Обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М., 1992.

Кирилина А. В. Гендер и язык: Языки славянской культуры. М., 2005.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М., 1996.

Словарь гендерных терминов / Под ред. Денисовой А. А.; Региональная общественная организация «Восток — Запад: Женские инновационные проекты» // Информация — XXI век, М., 2002.

Hirschauer St. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Pladoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2.

Homberger D. Mannersprache — Frauensprache: Ein problem der Sprachkultur? // Muttersprache. 1993.

Lakoff R. Language and Women's Place // Language in Society. 1973. № 2.

Tromel-Plotz Frauensprache: Sprache der Veränderung. Frankfurt/a/M, 1982.

Статья поступила в редакцию 26.09.2007 г.